

Шум в раздевалке был подобен приливной волне: накатывая удар за ударом на стены, он разбивался о звонкий смех, радостные крики и стук пивных бутылок. Линь Е прыгал среди толпы, прижимая к груди кубок, а Чэнь Юй сидел в углу, опустив голову и протирая защитную экипировку — никто не смел его тревожить. Но в самом дальнем углу на скамейке сжался Лу Цзин. Его ноги были обмотаны бинтами, а запекшаяся кровь превратилась в темно-бурые корочки, похожие на забытый старый шраб.

Он не плакал и ничего не говорил. Его взгляд был пуст, как выпотрошенные воротца на поле.

Се Линь стоял в трех шагах от него, сжимая в руке горячее полотенце. От ткани поднимался легкий пар, но он не решался подойти ближе. Он приоткрыл рот, но в горле словно застряло то разорванное семь лет назад доносное письмо, и каждое слово застряло в крови.

— Протрись... — Его голос звучал так тихо, будто он боялся спугнуть чей-то сон.

Лу Цзин не шевельнулся. Полотенце зависло в воздухе, капли воды сорвались с него и упали на пол, расплываясь темными пятнами.

Рука Се Линя окаменела, костяшки пальцев побелели.

В этот момент Линь Е украдкой протиснулся вперед и сунул в ладонь Лу Цзиня старый телефон.

— По... посмотри, — голос Линь Е был едва слышен. — Чэнь Юй дал мне. Говорит... это запись с камер видеонаблюдения в тренировочном лагере. Семь лет назад, после того как тебя сбили.

Лу Цзин не взял телефон и не взглянул на экран.

Линь Е сжал зубы и нажал кнопку воспроизведения.

Экран загорелся, картинка задрожала — это был ночной режим видеонаблюдения. В сероватом свете предстал коридор тренировочного лагеря семилетней давности: ливня только что закончился, грязь еще не высохла. Он лежал на земле, мясо на голени было вырвано с мясом, боль пронизывала судорогами, но он стиснул зубы и не издал ни звука. Се Линь бросился к нему, его колени с громом рухнули на мокрую землю, а руки судорожно сжимали лист бумаги — донос, исписанный доказательствами того, как племянник директора подкупил судью и намеренно шел на грубый подкат.

Затем появился директор.

Он ничего не сказал, только протянул руку и на глазах у Се Линя разорвал этот лист в клочья. Обрывки бумаги, словно снежинки, разлетелись вокруг и упали в карман Се Линя. Се Линь стоял на коленях — не уворачивался, не кричал, не сопротивлялся. Он лишь опустил голову,

дюйм за дюймом заталкивая клочки бумаги себе за пазуху, а затем протянул руку, чтобы поддержать Лу Цзиня.

Но в тот момент, когда его пальцы коснулись руки, Лу Цзин яростно оттолкнул его.

На записи губы Лу Цзиня шевелились, беззвучно изрыгая проклятие: «Убирайся».

Рука Се Линя замерла в воздухе и больше не двигалась.

Видео закончилось.

Шум раздевалки внезапно отдалился. Лу Цзин в упор смотрел на экран, его зрачки сузились, словно он разглядывал призрака, которого похоронил собственными руками.

Он медленно поднял глаза и посмотрел на Се Линя.

Его голос осип, будто наждачный камень прошелся по железу:

— Ты не то чтобы не спас меня.

Дыхание Се Линя оборвалось.

— Ты... был вынужден отказаться от меня.

Воздух застыл.

В следующее мгновение Се Линь рухнул на колени.

Его колени ударились о бетонный пол с глухим звуком, похожим на удар колокола.

Он не плакал в голос, но слезы, подобно прорвавшей плотину реке, безудержно капали на бинты Лу Цзиня, пропитывая их теплом.

— Я боялся, что ты возненавидишь меня, — его голос ломался, теряя всякие звуки. — Я боялся, что, стоило тебе открыть глаза и увидеть меня, как ты сразу же вспомнил бы тот день — вспомнил бы, что я даже не посмел встать на твою защиту. Поэтому я... я не смел жить. Я не смел тренироваться, не смел говорить, не смел... взглянуть на тебя еще хоть раз.

Лу Цзин смотрел на него — на лицо, изрезанное бороздами времени и вины, на те самые глаза, что когда-то учившее его контролировать мяч, думать и верить в свет даже во тьме.

Теперь в этих глазах были лишь слезы.

Он внезапно протянул руку.

Не толкнул, не ударил.

Он мягко, подушечками пальцев, стер слезы с лица Се Линя.

Движение было очень нежным, словно он боялся разбить что-то хрупкое.

— Теперь, — произнес Лу Цзин тихо, но голос его звучал твердо, как вбитый в землю кол, — твоя очередь учить меня — как быть человеком.

Се Линь поднял голову. Сквозь пелену слез он разглядел взгляд Лу Цзиня — в нем не было ни ненависти, ни обиды, лишь тяжелая, почти сострадательная нежность.

Его губы задрожали, он хотел что-то сказать, но не смог вымолвить ни звука.

А Лу Цзин улыбнулся — впервые это была улыбка, лишенная всяких острых углов.

— Помнишь, какое твое первое слово ты сказал мне семь лет назад?

Се Линь замер.

— Ты говорил, — тихо произнес Лу Цзин, — футбол — это не победы и поражения, это доверие между людьми.

Слезы Се Линя хлынули с новой силой.

— Ты потерял это на семь лет, — сказал Лу Цзин. — Теперь я возвращаю это тебе.

Се Линь резким движением подался вперед и крепко обнял Лу Цзиня, прижавшись лбом к его окровавленным бинтам, и заплакал так, будто заблудившийся ребенок наконец-то нашел дорогу домой.

Шум в раздевалке в этот миг полностью стих.

Линь Е молча выключил плеер.

Чэнь Юй положил защитное снаряжение обратно в шкафчик, повернулся и тихо притворил за собой дверь.

За дверью в коридоре все еще горел свет.

Дождь неизвестно когда снова застучал по окнам, словно запоздалый на семь лет нежный барабанный бой.

<http://bllate.org/book/19070/1873142>